

„А отъ того, — отвѣчаетъ авторъ, — что міряне только пассажиры на церковномъ суднѣ.

Отдайте храмъ намъ, и мы сдѣлаемъ его живымъ.

А теперь я гость. Зашелъ, потомъ надѣлъ шапку и вонъ...“

Теперь какъ-будто хотятъ отдать храмъ мірянамъ.

Но какъ?

Одного этого: „А, право, не знаю“, достаточно, чтобы понять, что хотятъ отдать.

Ничего. Отдадутъ денежный ящикъ, совсѣмъ опустошенный „выемками“ благочинныхъ, и то только для формы.

А жизнь попрежнему будетъ дѣлаться „монахами“. И міряне останутся за порогомъ.

И все болѣе и болѣе будетъ пустѣть церковь.

И останется одна стѣна плача.

Помочь нельзя, потому что для монашескаго судна-церкви міряне — „пассажиры—и только“.

„Храмы пусты. Почему? Почему я не иду въ храмъ? — Потому, что храмъ—чужое мѣсто и чужое дѣло, дѣло клириковъ и какой-то тамъ администраціи. Я — чужой для храма, и онъ для меня. Отдайте храмъ міру, и вы получите церковный народъ. Гостю — и положеніе гостя, и психологія гостя: „взялъ шляпу и вышелъ“.

Вотъ теперь будто бы храмъ міру отдали, но одного этого „А, право, не знаю“ достаточно, чтобы понять, какъ отдали.

Не храмъ, а денежный ящикъ, но уже пустой: что тамъ есть, попрежнему будетъ до-тла выниматься благочиннымъ.

Да и остатки отдають только для контроля.

А творчество жизни — творчество права, управленіе судномъ — попрежнему монахи, не желающіе помощи.

И все болѣе будетъ пустѣть церковь.

И останется одна „стѣна плача“.

Епископъ Михаилъ.

Когда же человѣкъ отъ кошмара проснется?

„... Заповѣдь новую даю вамъ,
да любите другъ друга.

Іоаннъ. XIII; 34.

„Не убій“, сказано древнимъ (6 заповѣдь). Сказано ясно, строго-опредѣленно, перетолковыванію не подлежаще.

Христось, поднимая человѣческую нравственность на высшую, болѣе совершенную ступень, развилъ эту заповѣдь такъ: „... Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ гнѣваяйся на брата своего всеу повиненъ есть суду: иже (бо) аще речеть брату своему „рака“, повиненъ есть сонмищу: а же речеть, „уроде“, повиненъ есть гееннѣ огненнѣй“. Мѡ V, 22.

И, завершая свое божественное наставленіе людямъ для ихъ отношеній между собою, на ихъ же собственное благо, Онъ добавилъ „... *Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга*“ Іоаннъ XIII. 34.

Вотъ два историческихъ этапа. Необыкновенно просто, коротко и притомъ необыкновенно вразумительно опредѣляющіе должныя отношенія людей между собою.

Богъ древнихъ сказалъ Израилю: „не убій“; Богъ и Человѣкъ—сказалъ: *не только не убій, но даже—не обидь необдуманнѣмъ словомъ челоѣка-брата*, и не только не обидь словомъ, но *любите другъ друга*.

Это было сказано почти 2000 лѣтъ тому назадъ на холмахъ Іудеи, покоренной римскими „орлами“. Сказано это предъ небольшою группою учениковъ и толпою темнаго, худороднаго народа.

Тотъ Божественный Учитель, что произнесъ эти великія истины, вскорѣ былъ убитъ жестокою сворою „священниковъ Божіихъ“ (іудейскаго народа), вопившихъ къ правителю Іерусалима: „распи, распни его!“ Но ученики его, воспріявшіе эту истину, пошли во всѣ концы вселенной, всюду разглашая о ней, всюду призывая народы къ *братству и взаимной любви*.

Дьяволъ тьмы и невѣжества жестоко боролся противъ этихъ глашатаевъ истины; онъ ихъ ввергалъ въ темницы, влачилъ по аренамъ цирка, травилъ звѣрями и вѣшалъ на крестахъ всячески, и внизъ головою, и вверхъ. Жегъ на кострахъ, заливалъ святыя гортани, вѣщавшія миръ и любовь среди людей, расплавленнымъ металломъ, а они все шли и шли! Гибли тысячами, но на ихъ мѣсто вставали другіе и снова шли, и снова призывали народы къ братству и любви.

Не было у глашатаевъ истины никакого оружія кромѣ словъ призыва къ братству; а противъ нихъ стояли тысячи всевозможныхъ изобрѣтеній челоѣческаго ума для уничтоженія людей: и все-таки они—не вооруженные—побѣдили!.. Они побѣдили. Міръ сталъ *христіанскимъ*...

Въ наши дни нѣтъ уже уголка на земномъ шарѣ, гдѣ бы „повѣщенный на древѣ, какъ самый гнусный разбойникъ“, не почитался Богомъ. Всюду въ честь Его строятъ великолѣпные храмы; всюду въ искусствѣ чтутъ Его изображеніями различныхъ моментовъ Его земной жизни. Ему поются хвалебные гимны, и курится еиміамъ. Его „служители“ въ золотѣ и парчѣ приносятъ Ему жертвы. И куда вы ни повернитесь, куда вы ни поѣзжайте, вы вездѣ увидите *полную побѣду Христа*, но... дорогой читатель, *только внѣшнюю*.

Христа чтутъ на всемъ пространствѣ земнаго шара; Его чтутъ многіе народы, и не только чтутъ, а даже жестоко спорятъ между собою, кто лучше, правильнѣе и точнѣе вѣруетъ въ Него и лучше почитаетъ,— *а дѣлъ. Имъ заповѣданныхъ, никто не творитъ*.

Какой безумный ужасъ охватываетъ душу, когда взглядишься въ жизнь христіанскихъ народовъ и видишь мысленными очами, что они какъ

были до Христа, такъ и остались до нашихъ дней *сущими язычниками*.

Всюду чтутъ Христа устами, а дѣлами, жизнью и распинаютъ...

Возьмемте для примѣра тѣ же истины, проповѣданыя Христомъ: „Не убій“, „Не оскорби брата словомъ“ и „Люби“. Какая Христіанская Церковь выполняетъ эти слова? Католическая по горло, если не по самыя уста, въ крови мучениковъ, которыхъ она замучила *во имя Христа*. (Какой ужасъ и позоръ: *во имя Христа!*) Греко-русская тоже вся въ крови и копоти отъ костровъ и жаренаго мяса мучениковъ-старообрядцевъ. Также *во имя православія* замученныхъ, и т. д. и т. д. безъ конца.

Теперь. Какіе народы не повинны въ ужасныхъ убійствахъ, называемыхъ войнами? Какой народъ возсталъ противъ этихъ чудовищныхъ жертвоприношеній—людскими жизнями языческому богу Молоху? Какой народъ сказалъ:—Нѣтъ, я христіанинъ и потому воевать не хочу? Гдѣ этотъ народъ, я спрашиваю?.. Нѣтъ его!

Вотъ уже идетъ второе десятилѣтіе двадцатаго вѣка. И философія, и науки чисто-практическія твердятъ о пользѣ мира, культурныя пріобрѣтенія человѣчества настойчиво стремятся выжить звѣря-хищника, гнѣздящагося въ сердцѣ людей. Христіанскіе проповѣдники на пространствѣ вотъ уже двухъ тысячелѣтій призываютъ устами къ тому же... Евангеліе, эта радостная вѣсть для народовъ измученныхъ непосильнымъ бременемъ гнета войнъ и расходовъ на нихъ, милліонами распространяется по лицу земли, а человекъ *какъ былъ звѣремъ, такъ имъ и остался*.

Войны повсюду кипятъ. Онѣ стали ужасны: человекъ сталъ страшно изобрѣтателенъ, и всѣ лучшія силы ума своего онъ напрягаетъ не на изысканіе средствъ противъ войны, а какъ разъ наоборотъ—на изобрѣтеніе болѣе и болѣе могущественныхъ средствъ для уничтоженія себѣ подобныхъ. Въ японско-русскую войну мы видѣли эти ужасы разрушенія, отъ которыхъ люди гибли сотнями тысячъ на сушѣ и на морѣ, въ полѣ и въ прикрытіяхъ, на палубахъ кораблей и подъ толстыми стальными бронями ихъ: 20-пудовые снаряды, бросаемые съ огромныхъ разстояній, все сокрушали на своемъ пути. Отъ нихъ нигдѣ не было защиты! Только *живое человѣческое мясо* своимъ безумнымъ движеніемъ на мѣсто уничтоженныхъ одолѣвало эти ужасныя разрушенія. И эти ужасы не останавливаютъ человека передъ надвигающимися на него новыми войнами. Человеку этого еще мало: вотъ на дняхъ только испытывалось новое изобрѣтеніе германцевъ, изобрѣвшихъ такіе снаряды, которые нарочно предназначаются для выбиванія людей, сидящихъ въ прикрытіяхъ. А 12-дюймовые снаряды уже замѣняются 14-дюймовыми; поговариваютъ также, что англичане свои новые броненосцы вооружаютъ 16-дюймовыми! Это значитъ: будутъ на войнѣ швыряться „шариками“ пудовъ въ 30—35. Какова же будетъ сила разрушенія этихъ чудовищъ?!

Но и этого мало человеку-звѣрю. Онъ придумалъ еще нѣчто, что будетъ поужаснѣе и этихъ чудовищъ. Онъ выдумалъ летательную

машину и, не успевъ ее даже усовершенствовать, какъ слѣдуетъ, онъ уже спѣшитъ, главнымъ образомъ, приспособить ее къ военнымъ цѣлямъ. И, надо полагать, не пройдетъ десятка, двухъ десятковъ лѣтъ, какъ солнце скроется отъ насъ подъ тучами летающихъ чудовищъ, несущихъ всюду, смерть и уничтоженіе... И такъ безконечною чредою идутъ изобрѣтеніе за изобрѣтеніемъ по пути насыщенія человѣка—въ его звѣрскихъ инстинктахъ. И конца этому нѣтъ и не предвидится...

А евангелія?... Эти святыя книги, у чашія кротости и миролюбію лежатъ на полкахъ въ пыли. А такъ какъ онѣ нынѣ дешевы стали, и притомъ въ хорошихъ переплетахъ, то ими иногда малыя дѣти играютъ, или хозяйки горшки покрываютъ...

И вотъ такъ жизнь и течетъ. Но ужасъ паденія человѣчества еще не здѣсь лежитъ. Паденіе его гораздо ниже. Да, оно ужаснѣе изобрѣтенія средствъ разрушенія. И лежитъ оно въ томъ, что человѣкъ въ свои позорныя дѣла—убійствъ, вмѣшиваетъ Бога. И какого Бога!.. Бога любви, милосердія и всепрощенія. Нашего христіанскаго Бога, умершаго на крестѣ за лучшую долю людей, показавъ примѣръ не противленія злу насиліемъ. Христа кроткаго, какъ агнца, льна курящагося не загасившаго и трости надломленной не сломившаго. Мѣ. XII, 20. Вотъ этого Бога—всепрощающаго—люди въ своемъ безстыдствѣ вовлекаютъ въ свои позорныя, злыя дѣянія братоубійствъ...

Мнѣ страшно дѣлается... Сердце холодѣетъ, и дрожь пронизываетъ, когда я представляю себѣ весь позоръ человѣчества—въ его безобразномъ паденіи братоубійствъ и призваніи на помощь въ этомъ злодѣяніи Бога.

Я понимаю человѣческую слабость гордости одного народа передъ другимъ; я еще понимаю это, въ особенности когда въ кровавую борьбу вступаютъ два народа, чуждые другъ другу по вѣрѣ и культурѣ. Я понимаю и обращенія за помощью къ Богу на одолѣніе, когда христіанинъ проситъ Бога о помощи противъ насилія магометанъ или наоборотъ, какъ это было съ русскими во время татарскаго ига. Это не хорошо, но понятно по человѣческой слабости. Но вотъ какъ понять такія вещи, какъ, на примѣръ, случившіяся въ 1471 году, когда подъ Великимъ Новгородомъ, на рѣкѣ Шелони и у Коростыня, бились братья-русскіе: москвичи, воины Іоанна III и новгородцы, воины новгородской республики. Это были кровные братья, а также братья и по вѣрѣ—православной. Одинаково чтили Христа за Бога. Одинаково посвящали ему храмы. Читали св. евангеліе и воспитывались по вѣрѣ христіанской, а дрались какъ дикіе звѣри, и какъ дикіе звѣри грызли, терзали, убивали и казнили другъ друга. А на большой позоръ принесли съ собою на бой и знамена: москвичи главный стягъ съ изображеніемъ Спасителя, а Новгородцы—Его Пречистую Матерь. Передъ позорнымъ братоубійственнымъ боемъ тѣ и другіе молились и просили „одолѣнія на врага“, москвичи Спасителю Во-

скрещешему, а новгородцы Богородицѣ (Знаменской иконѣ) и св. Софїи. Тѣхъ и другихъ провожали окропляя святою водою, освящаемою обычно погруженіемъ въ нее „Распятаго Христа“; тѣхъ и другихъ благословляли на братоубійство „священники“ одного и Того же Христа... Тѣ и другіе кричали: „Съ нами Богъ“. Вотъ это, ужъ совсѣмъ не поддается пониманію.

Но для большей наглядности расскажемъ, какъ это было.

Дѣло загорѣлось изъ-за пустяковъ. Новгородъ не хотѣлъ быть управляемъ Московскимъ княземъ, а управлялся самъ собою посредствомъ вечегого сходбища и выборнаго начала. Этою своею исконною вольностью онъ и не хотѣлъ поступиться, а Московскій князь, въ ту пору возвысившійся до титула царя, не хотѣлъ потерпѣть этой свободной, ему не подчинявшейся земли „Новугороцкой“, управлявшейся сама собою, и потребовалъ отъ Новгородской вольницы уничтоженія вѣча и подчиненія себѣ; тѣ отозвались нежеланіемъ. Царь объявилъ ихъ измѣнниками и снарядилъ противъ Новгорода войско. Новгородцы на вѣчѣ рѣшили защищать „свою волю“ и потому также снарядили войско и пошли навстрѣчу москвичамъ... И весь Новгородъ вышелъ провожать своихъ воиновъ. *Владыка и все новгородское духовенство вышли съ хоругвями и иконами. Ратники были окроплены святою водою...* (Мордовцевъ. „Господинъ Великій Новгородъ“. Изд. Мертца СПБ. 1901 г. III стр. 53).

„...Князь Василій Шуйскій—Гребенка, стоявшій впереди всѣхъ и разговаривавшій съ посадникомъ, обнялъ этого послѣдняго и грузною походкою направился къ иконѣ Знаменской Богоматери, которую, какъ величайшую святыню Новгорода, вынесли предъ войско и держали темнымъ, закоптѣлымъ ликомъ къ выстроившимся противъ нея ратямъ.

„...Онъ подошелъ къ иконѣ, три раза поклонился въ землю и приложился къ ризѣ Богоматери. Владыка, у котораго замѣтно дрожала рука, покропилъ его святою водою... (Стр. 54—55).

„...Конный полкъ тоже уже давно взбивалъ облака пыли за городомъ, дуя лѣвымъ берегомъ Волхова по направленію къ устью Шелони. Въ этихъ облакахъ пыли *трепались Новгородскіе стяги*, поблескивая на солнцѣ золочеными яблоками, крестами и унизанными разноцвѣтнымъ камнемъ ликами угодниковъ, изображенныхъ на широкихъ полотнищахъ знаменъ. Это былъ владычній полкъ, предводительствуемый благочестивымъ бояриномъ Лукою Клементьевымъ“ (стр. 56).

Такъ готовились къ битвѣ новгородцы, а вотъ какъ готовились къ этой же битвѣ москвичи. Это было на Шелони. Новгородцы стояли на одномъ ея берегу, а москвичи на другомъ. Тѣ и другіе могли видѣть и слышать другъ друга. А поэтому отчаянно позорили другъ друга, по исконному русскому обычаю, скверными словами. „...Московское войско построилось уже въ ряды... Всѣ на коняхъ. На конѣ и князь Данило Холмскій. Онъ говоритъ...

„—Братіе, —мѣра намъ теперь послужить великому князю, своему го-

сударю, и биться съ ними (онъ указалъ черезъ Шелонь) за государеву правду, хотя бы ихъ и триста тысячъ было... *Богъ и Пречистая Богородица вѣдаютъ, что правда нашего государя передъ нами.*

„...Потомъ Холмскій снялъ шлемъ съ головы, на которой густо засѣло серебро сѣдины межъ золота рыжихъ волосъ. Онъ глянулъ на большой стягъ, съ изображеніемъ *воскресшаго Спасителя*... Всѣ московскіе ряды обнажили свои головы и тоже воззрились на главный стягъ“.

„—*Господи Ісусе Христе!*— скрипучимъ, нездоровымъ голосомъ вскрикнулъ Холмскій, такъ что голосъ прошелъ по рядамъ.—Боже, пособи вый кроткому Давыду побѣдить иноплеменника Голаѳа и Гедеону съ тремястами одолѣть множество иноплеменныхъ! *Пособи, Господи,* и намъ, недостойнымъ рабамъ твоимъ, надъ сими новыми отступниками и измѣнниками, восхотѣвшими покорить православную вѣру христіанскую и приложить къ латынской ереси и поработить латынскому королю и митрополиту, и помянуть имена враговъ твоихъ, Господи, въ твоей соборной церкви!*)

„*Онъ размахисто перекрестился,* колотя пальцами въ стальные латы и въ наплечники. Невообразимый гулъ, скрипъ, звякъ и какой-то стонъ былъ отвѣтомъ на рѣчь главнаго воеводы: это *молилась бранная Москва, широко взмахивая въ воздухъ руками,* стуча и гремя шеломами и доспѣхами... Это былъ шопоть смерти, которая вѣяла въ воздухъ невидимыми крыльями, навѣвала холодъ на душу, проходила морозомъ по спинѣ... Заскрипѣли знамена при движеніи древковъ, и потомъ какъ бы все замерло... (Стр. 96).

„И за Шелонью тоже все пришло въ движеніе. Строились ряды, слышались возгласы, ржанье коней, бранные окрики, которые доносились до москвичей...“

„...Господа и братіе,—покрывалъ всѣхъ металлическій голосъ вождя новгородцевъ, князя Шуйскаго Гребенки, который скакалъ между рядами съ обнаженнымъ мечомъ.—*Постоймъ за святую Софію!*.. Впередъ! пейте, братіе, кровавое пиво московское!“ (Стр. 97).

И вотъ какъ эти родные братья по вѣрѣ и крови „пили взаимно пиво московское и новгородское“ (у Коростыня).

„...А тамъ шла кровавая сѣча. Новгородцы, не успѣвшіе со сна захватить оружіе, бросились въ рукопашную и съ свирѣпостью отчаянья душили за горло своихъ враговъ, обвивались вокругъ ихъ ногъ, грызли ихъ, какъ собаки, зубами и, несмотря на то, что другіе москвичи пронизывали ихъ копьями, трошили головы бердышами, пропарывали ихъ рогатинами,—новгородцы голыми руками задавливали своихъ враговъ, и тутъ же, обнявшись съ ними, какъ съ братьями, смертными объятіями, умирали разомъ, обагривъ кровью желтый Ильменьскій песокъ и зеленую прибрежную траву.

Крики, проклятія, стоны раненыхъ и умирающихъ, боевые возгласы, лязгъ желѣза о шеломы и латы, визгъ скрещивающихся мечей и сабель,

* Предлогъ къ такому обвиненію нашли въ томъ, что Новгородъ для сохраненія своей свободы искалъ защиты у Литвы.

хрясть ломаемыхъ копій, рогатинъ и костей человѣческихъ, проклятiя нападающихъ и поражаемыхъ, хрипъ и свистъ перерѣзанныхъ и недорѣзанныхъ горлъ, стукъ дерева о дерево и желѣза о желѣзо, нечеловѣческой вой удушаемыхъ за „тайные у . . .“,—все это сливалось въ такую адскую музыку, о которой даже нельзя составить себѣ понятiя по современнымъ битвамъ, даже болѣе кровавымъ и уже гораздо болѣе разрушительнымъ, когда и стоны, и вопли человѣческіе, и ржаніе лошадей, и проклятiя раненыхъ, и вопли задавленныхъ конскими копытами, и визгъ, и лязгъ оружія, и сигнальные звуки трубъ—и все, все, весь адъ звуковъ заглушается громомъ орудій, лопаньемъ разрывныхъ снарядовъ, неумолчнымъ лопотаньемъ тысячъ ружей... Нѣтъ, тогда, когда еще не въ ходу было огнестрѣльное оружіе, когда дрались кулаками, рвались зубами, душили другъ дружку руками, рѣзались и кололись холоднымъ оружіемъ, — когда смерть и ея голосъ, ея ужасные крики были слышнѣе, реальнѣе, ужаснѣе,—когда все было слышно...,—слышно было, какъ души человѣческія разставались съ тѣлами и кричали, невообразимо кричали объ этихъ тѣлахъ, оставляемыхъ ими, объ этой землѣ, о жизни...“

„...Дѣйствительно, бой былъ смертный. Московскія рати осилили и смяли новгородцевъ. Многіе изъ нихъ, видя, что москвичи все прибываютъ, не выдержали натиска и бросились берегомъ къ насадамъ (лодкамъ)... Многіе бросались въ насады другъ черезъ друга, попадали въ Ильмень и тонули подъ тяжестью латъ, а другіе, подымая руки изъ воды, напрасно просили о помощи... Было не до нихъ—каждый думалъ о себѣ...“

Все бросилось въ насады. Одинъ увлекалъ другого. Толпились, падали, вставали и снова бѣжали къ насадамъ. Тѣхъ, что въ пылу сѣчи зашли далеко и изнемогли, москвичи брали въ полонъ и привязывали конскими цѣпями и ремнями другъ къ дружкѣ. Насады въ безпорядкѣ отчаливали отъ берега, не обращая вниманiя ни на раненыхъ, ни на тѣхъ, которые не успѣли попасть на суда. Многіе изъ нихъ кидались въ воду, чтобы догнать своихъ, уплывшихъ отъ берега, отчаянно боролись съ затоплявшею ихъ водой и, поражаемые московскими стрѣлами и камнемъ, тонули на глазахъ у земляковъ, то молясь, то проклиная кого-то...

Оставшихся на берегу москвичи ловили, словно табунщики коней, арканами. И тутъ начались возмутительныя сцены надругательства надъ плѣнными новгородцами. Москвичи отрѣзывали у нихъ носы и губы, бросали эти кровавые трофеи въ Ильмень, приправляя эти воинскія забавы не менѣе возмутительными прибаутками.

— Эхъ, Ильмень, Ильмень-озеро, на, тебѣ, носовъ новугороцкіихъ.

— На, поди—высморкайся да выкупайся въ Ильмень, носъ новугороцкой! Н-на!

— А вотъ губы лакомы новугороцки! Поцѣлуйтеся-ко со Ильменемъ-озеромъ.

— Ну-ко, подь понюхай — чѣмъ пахнетъ! Ловите, храбрые новугороццы, носы своихъ витязей!

— Эй, шука-рыба! Эй, окунь ильменьской! Собирайтесь носы да губы новгородки кушать во здравіе!

Дикій хохоть, крики и стоны далеко разносились по берегу и по озеру...

— А вотъ губы съ усами—ловите ихъ, новгородцы, краснымъ дѣвкамъ въ подарокъ!

— Подите—покажитесь теперь своимъ! — отпускали москвичи изуродованныхъ плѣнниковъ...“ (стр. 65—66).

Это москвичи расправлялись съ новгородцами при Коростынѣ. Но вотъ какъ расправлялись съ ними новгородцы при Шелони. Когда москвичи бросились вплавь черезъ Шелонь и, переплывъ ее, выходили на берегъ, то новгородцы всею силою навалились на нихъ, опрокидывая ихъ обратно въ Шелонь.

„...Сшиблись передніе ряды. Застучали шеломы и латы, поражаемые сулицами и рогатинами. Положеніе новгородцевъ было выгоднѣе—они напирали съ берега внизъ и опрокидывали москвичей въ воду. Передніе ряды, падая въ воду, разстраивали слѣдующіе ряды. Латники, выбитые изъ сѣделъ и падашіе въ воду, изнемогали подъ тяжелыми доспѣхами и захлебывались въ мутной рѣкѣ, уже окрашенной московскою кровью.

— Пруди Шелонь московскимъ собачьимъ „тиломъ“! — неистовствовали Гюрята, все опрокидывая на пути.

— Вотъ вамъ за носы! Вотъ вамъ за губы! — пищалъ за нимъ и „Пидолянинъ“, одною рукою держась за гриву коня, а другою—размахивая сулицей.

Московскіе задніе ряды словно задумались, дрогнули, попятились... Дрогнулъ стягъ воеводскій, зашатался въ воздухѣ... новгородцы напирали все болѣе и болѣе... (стр. 97—98).

И расправа новгородцевъ была тоже хороша. Но Москва, вошедшая въ сдѣлку съ татарами (магометанами, конечно), которые зашли новгородцамъ въ тылъ, и здѣсь раздѣлалась съ новгородцами вполне „похристіански“, раздѣлывалась съ ними и потомъ въ самомъ Новгородѣ—жестокими казнями...

Такъ вотъ, дорогой читатель, какъ понимать подобную вещь, когда братья одной русской матери-земли и одной вѣры, молящіеся одному Богу, Богу любви, кротости и милосердія, въ своей волчьей жестокости бросаются хищными звѣрями одни на другихъ и при этомъ молятся *одному и тому же Богу* объ одолѣніи одинъ другого? Когда они совершаютъ другъ надъ другомъ неслыханныя жестокости и притомъ еще говорятъ, приводя Бога въ свидѣтели, о какой-то мнимой „справедливости“. И вотъ, представьте себѣ, читатель, въ этой исторіи положеніе Самого Бога, котораго просятъ и тѣ, и другіе помогать имъ въ звѣрскихъ избіеніяхъ. Вѣдь это уже кощунство. Вѣдь это сущее издѣвательство надъ собственнымъ Богомъ и всѣмъ исповѣдуемымъ вѣроученіемъ. И такихъ примѣровъ мы найдемъ въ исторіи много.

Этихъ вещей понять нельзя иначе, какъ признавъ ихъ кошмаромъ еще не проснувшася къ разумной жизни человѣка.

Но когда же онъ проснется отъ этого кошмара? Когда же онъ сознаетъ, что войны, это—тѣ же убійства, но только въ огромныхъ количествахъ, и что Богъ отвращается отъ нихъ, а не помогаетъ имъ.

Когда же человѣкъ пойметъ это и станетъ любить другъ друга по евангельской заповѣди?

Вѣдь до сихъ поръ ничего еще не слышно о направленіи человѣчества въ эту сторону, а мы видимъ какъ разъ обратное: всѣ народы міра стоятъ одинъ передъ другимъ сплошными военными лагерями, вооруженные, что называется, до зубовъ, каждую секунду готовые съ яростью броситься другъ на друга, чтобы начать чудовищныя избіенія и себя, и другихъ.

И странно. Земной шаръ сталъ для человѣка очень невеликъ благодаря современнымъ изобрѣтеніямъ. Благодаря поѣздамъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфу, телефону, всемірному почтовому союзу, сношенія народовъ между собою такъ упростились и участились, что положительно становится непонятнымъ, кто противъ кого готовится къ войнѣ.

Торговля сношенія людей всего міра настолько велики, и поэтому народы настолько сильно сплетены между собою общими интересами, что, право, не стало возможности жить одному народу безъ другого.

Въ этихъ сношеніяхъ люди разныхъ племенъ и національностей такъ сдружились, что невѣроятнымъ кажется, какъ это они, сегодняшніе друзья, завтра хищниками бросятся другъ на друга и будутъ другъ друга убивать.

У народовъ уже почти все стало общее: торговля, наука, искусства, поэзія, литература и изобрѣтенія. Все, что изобрѣтено вчера нѣмцемъ, французомъ или кѣмъ-либо другимъ, сегодня уже дѣлается достояніемъ всего міра. И это безъ конца.

Когда путешествуешь по разнымъ странамъ и видишь людей другихъ націй,ходишь съ ними въ общеніе, невольно поражаешься нелѣпостью мысли вражды къ этимъ милымъ и крайне вѣжливымъ людямъ.

Живя тамъ, вы все находите на своемъ мѣстѣ и положительно не видите никакого повода къ взаимному избіенію, а поэтому странно поражаетесь, видя ихъ многочисленныя войска, наполняющія города и готовящіяся для какой-то нелѣпой войны неизвѣстно съ кѣмъ. И думаете: къ чему это?..

И когда станешь разбираться въ этомъ вопросѣ и отыскивать причины возникновенія массы войскъ и готовности ихъ къ войнѣ, то находишь, что все это возникаетъ на почвѣ взаимонепониманія и взаимонедовѣрія; всякому народу думается, что сосѣдъ-народъ непременно готовится на него напасть и для того именно собираетъ и обучаетъ войска, и слѣдовательно: ему тоже надо готовиться къ защитѣ, а на него глядя, готовится къ защитѣ и третій народъ, и четвертый, и т. д. И этими приготовлениями они такъ

другъ друга запугиваютъ, что ужъ призракъ нападенія превращается въ кашмаръ, отъ котораго народы, вотъ уже какъ мѣръ стоитъ, не могутъ отдѣлаться, и имъ себя такъ гипнотизируютъ, что въ концѣ-концовъ и въ самомъ дѣлѣ бросаются другъ на друга войною и льютъ рѣки крови, и разоряютъ себя взаимно.

Все это, конечно, и можетъ и должно исчезнуть. Но это случится тогда, когда люди усвоятъ и будутъ проводить *въ жизнь* ученіе Христа, съ одной стороны, а съ другой—подъ вліяніемъ роста знаній и культуры, а также роста дѣловыхъ и экономическихъ взаимоотношеній.

Но для этого необходимо *взаимопониманіе* людей, невозможное при разноязычїи. Поэтому всѣми мѣрами нужно стремиться къ скорѣйшему введенію между всѣми народами земли языка „эсперанто“. И разъ всѣ эти условія будутъ достигнуты, то скоро можетъ приблизиться и пробужденіе человѣка отъ кошмара взаимно-боязни и кошмара взаимно-убійствъ.

Но когда это будетъ? Когда человѣкъ отъ этого мучительнаго кошмара проснется?

Н. Зенинъ.

Очеркъ исторіи Рогожскаго кладбища въ Москвѣ.

(Къ 140-лѣтію его существованія: 1771—1911 гг.)

16 апрѣля минувшаго 1910 года свершилась пятилѣтняя годовщина знаменательнаго и памятнаго въ новѣйшей исторіи старообрядчества и всей Россіи событія, ознаменовавшаго собою первый реальный признакъ крутого поворота въ области давнишней несправедливой и жестокой политики правительства въ отношеніи старообрядчества и прочихъ гонимыхъ дотолѣ исповѣданій; я разумѣю открытіе алтарей Рогожскаго кладбища, пробывшихъ запечатанными почти полвѣка по ложному доносу представителей государственной церкви. По поводу пятилѣтней годовщины этого важнаго историческаго событія, нынѣ, впрочемъ, омраченнаго вѣроисповѣдной политикой Государственнаго Совѣта, и въ виду приближающагося исполненія 140-лѣтія существованія кладбища, я считаю полезнымъ напомнить исторію Рогожскаго кладбища, нынѣ являющагося центромъ всего старообрядчества, пріемлющаго Бѣлокриницкое священство, и нѣкоторыя главнѣйшія черты изъ его жизни.

Сто сорокъ лѣтъ тому назадъ, отведенная въ Москвѣ за Рогожской заставой для погребенія старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, мѣстность Рогожскаго кладбища представляла не что иное, какъ нѣсколько могилъ рядомъ съ